

Всем – по куполу!

Xорошо же жилось москвичам веке эдак в шестнадцатом! И экология лучше, и трава зеленее, и продукты дешевле. Заболит что – подорожник приложил, дожил до 35 лет – и хорошо. А главное – церкви вокруг, монастыри, храмы! Благодарят, да и только! Совсем не то, что нынешние – то больница им нужна, то школа, то и вовсе – станция метро в шаговой доступности. Сосвем о душе забыли.

Но власть на то и нужна, чтобы вразумить неразумных. Спасти москвичей от бездуховности вызвался бывший вице-мэр Москвы, а ныне депутат Госдумы Владимир Ресин, более известный как куратор «Программы-200». Программа эта была принята несколько лет назад и предусматривала постройку одного храма на каждые 20 тысяч жителей. Столичные власти, конечно же, всеми силами поддержали это богоугодное начинание, и за прошедшее десятилетие в Москве было построено более сотни церквей. Но и этого, уверен господин Ресин, недостаточно. «В Москве пока нет достаточного количества храмов, чтобы люди не чувствовали себя обездоленными», – убежден чиновник. По его словам, «речь должна идти не о 200 и не о 300 храмах. И даже не о 500 храмах».

А знаете, что в России строится быстрее всего? Дороги? Ох, если бы. Ипотечные члены без

инфраструктуры? Нет. Магазины «Смешная цена», алкомаркеты и ломбарды? И снова нет. Быстрее всего в России строятся именно церкви.

А Россия стремительно скатывается в средневековье, причем не только по количеству церквей на душу населения. Оптимизация выкосила существенную долю образовательных и медицинских учреждений. «Выжившие» стремительно приходят в упадок. В самом начале ковидного 2020 года Счетная палата опубликовала ужасные данные: 41,1% всех российских медучреждений не имеют центрального отопления, 30,5% – водопровода, 14% и во все находятся в аварийном состоянии. Расходование средств федерального бюджета государственный аудит признал неэффективным и заключил, что по обеспеченности врачами Россия отстала от развитых стран на два года. Но этим дело и кончилось. Началась пандемия, уровень смертности стал рекордным за последние пятнадцать лет – лечить людей было попросту негде и некому.

Но что говорить о российской глубинке, когда в столице здравоохранение все еще оставляет желать лучшего. Пока мэр отчитывается о полной укомплектованности поликлиник, обычные москвичи жалуются на то, что попасть к узкопрофильному специалисту практически невозможно. Никакая укомплектован-

ность не спасает от банального перенаселения. На смену утопающим в зелени пятиэтажкам приходят многоэтажные гиганты, а вот новые детские сады, школы и поликлиники появляются далеко не всегда. Никуда не исчезает и точечная застройка: на ее долю в Москве приходится более половины всех проектов. Немалую долю составляют и так называемые апартаменты – крошечные квартиры в формально нежилом здании, где застройщик ничего никому не должен. Увы, именно такой формат жилья становится популярен в последнее время – по цене апартаменты выходят гораздо дешевле нормативного жилья. Кстати, о нормативах. Даже нормы легко переписываются в угоду застройщикам: так, например, по новым нормам высотные дома в семнадцать и двадцать пять этажей можно строить практически вплотную друг к другу. В результате этого целые микрорайоны останутся практически без солнечного света.

А между тем еще три года назад эксперты-градостроители подсчитали, что максимальная численность столичных жителей не должна превышать 7–8 миллионов человек. Иначе городская инфраструктура – как социальная, так и коммунальная – попросту не выдержит. Так и происходит. Несмотря на передовую медицину – первое место в России по количеству смертей от онколо-

гических заболеваний. Несмотря на открытие новых школ – обучение в две смены и переполненность классов. Впрочем, сейчас строят даже не школы, а «образовательные комплексы» – на несколько тысяч учеников и десятки тысяч квадратных метров. Увы, при всей своей масштабности школы-гиганты вызывают пока что недовольство родителей – не хватает кабинетов, в столовой и туалетах бесконечные очереди, старшеклассникам после второй смены сложно добраться домой (особенно в Новой Москве), учителя не справляются с нагрузкой, работают на две смены. К слову, президент страны обещал перевести все школы страны на одну смену еще в 2015 году. Но обещанного приходится ждать даже дольше, чем три года.

Перегрузка города сказалась и на дорожной системе. На развитие транспортной системы

Москва выделяет почти на 30% больше, чем на здравоохранение и в полтора раза больше, чем на образование. Однако воз и ныне там – Москва по-прежнему занимает верхние строчки мировых рейтингов по уровню перегруженности дорог. Десятибалльные пробки, которые можно наблюдать на московских дорогах практически ежедневно, прекрасное тому свидетельство.

Итого – в Москве не хватает всего: качественного жилья, больниц, школ, дорог. И казалось бы – причем тут церкви. Вот только для храмов место всегда находится. И деньги тоже находятся. Осталось только дождаться, когда заповедь о любви к ближнему будет иметь чуть больше смысла, чем теперь. Может, тогда и Москва будет сиять не только куполами, но и улыбками.

Анастасия Лёшкина

Одарённый ребёнок – не только большая радость и гордость мамы и папы, но и огромная ответственность. Родителям придётся проявить чудеса педагогики, чтобы обеспечить маленькому гению большое будущее, развить и укрепить его талант, но при этом не подорвать хрупкую детскую психику, не стать персонажами невесёлого анекдота, в три года планирующих записать ребёнка на программирование, китайский и терменвокс, а в тринадцать лечить первый нервный срыв.

К сожалению, вундеркинов, сумевших стать счастливыми во взрослой жизни, можно пересчитать по пальцам. Знаменитая пианистка Полина Осетинская в тринадцать лет скажала из дома от побоев и постоянной мушки. Судьба Алексея Султанова, не нашедшего в себе силы противостоять родителям, сложилась ещё печальнее: психика лауреата самых престижных музыкальных конкурсов не выдержала нагрузок. Резко и трагически оборвалась жизнь поэтессы Ники Турбиной, мать которой видела в дочери источник популярности, не замечая, как страдает незаурядная девочка. И по этой причине порадовалась за новую восходящую звезду – поступившую на факультет психологии МГУ девятнадцатилетнюю Алису Теплякову – никак не получается. По этой и ещё по одной: достаточно всего несколько минут видео, чтобы понять, что Алиса – никакой не вундеркинд. Обычный ребёнок, местами даже запущенный. После окончания университета будущий психолог намерена купить куклу и играть с братом – не самые грандиозные даже по детским меркам планы. На вопрос о люби-

Конвейер по производству гениев

мых авторах ответила, что «авторов мы не читаем». Папа девочки заявлял, что литературу по школьной программе, например, Достоевского, девочке читать рано. А вот на психфаке, видимо, не рано. Как при таком подходе девочка сдала школьный курс литературы – отдельный вопрос. Впрочем, учителя рассказывают, что из-за ковидной дистанционки они и тех, кто на обычном обучении, толком проконтролировать не могли. Что уж говорить о тех, кто на семейном образовании. Аттестовывали, не видя ни работ, ни учеников, признаются учителя. Вопреки мнению отца Алисы, 48 баллов в восемь лет (именно столько девочка набрала на дополнительных вступительных испытаниях психфака МГУ по биологии) – совсем не то же самое, что 100 в семнадцать. И хотя, папа девочки называет сдачу ЕГЭ успешной, результаты девочки довольно низкие. Сам отец называл прессе только 67 баллов по русскому языку, тщательно скрывая остальное. Однако дотошные пользователи Сети без труда вычислили Алисины баллы по данным абитуриентов, выложенным на сайте МГУ: 39 баллов по математике и 44 балла по биологии – это слабенькие тройки. Поэтому и поступила девочка лишь на платное – на психфаке МГУ, в отличие от технических факультетов, нет нижней планки по баллам. Берут всех, кто готов платить деньги. А низший балл на то и низший, чтобы набрать его мог любой балбес, где-то нахватавшись по верхам, где-то подзуб-

рив перед экзаменом, а где-то используя метод научного тыка; с балбесами тоже нужно что-то делать, не оставляя же их до бесконечности на второй год. Можно ли натаскать на ЕГЭ второклашку? Ну, при желании, как говорится, можно и зайца научить курить – только зачем и, самое главное, какой ценой?

На первый вопрос ответ довольно очевиден. Семеро детей-погодок в однокомнатной квартире; мать, соцсети которой ведёт муж Евгений; диссертация Евгения Теплякова, которую никто никогда не покажет, видимо, по причине того, что она вообще не существует в природе; идеальная безработица (Тепляков заявлял, что не желает работать в стране, где все воруют, при этом он оформлен воспитателем семейного детского сада); постоянные холивары в соцсетях со стороны Евгения с многочисленными аккаунтами; очень, очень странный подход к домашнему образованию (маленьких детей учат читать взахлеб на дикой скорости, уверяя, что понимание прочитанного придет со временем). Всё указывает на то, что этой семье действительно необходим психолог, но отнюдь не в качестве ребёнка.

Отдельная история – взгляды отца семейства на быт. Он самолично пишет, что почти не покупает фрукты и утверждает, что в картофеле витамина С больше, чем в апельсинах. Среди основных продуктов, которыми питается семья, называются свинина, колбаса, сосиски и бульмени.

Опека давно приглядывается к семье и даже поставила её на учёт как неблагополучную: у детей вроде как нет собственных кроватей. Семья с опекой судилась, но чем закончилось дело – неизвестно.

Вундеркинда пытаются сделать не только из Алисы: её брат Хеймдалль в свои семь лет уже закончил 9-й класс и сдал ОГЭ, сестра Лейя в четыре года (сейчас ей шесть) стала «самой юной школьницей в стране», четырёхлетняя Терра – тоже будущая первоклассница. Думается, подобная же судьба ждёт подрастающих малышей Айлунга, Фейлунга и Тесея, которых сейчас пара месяцев от роду. Дети обладают хорошей памятью, они могут выучить то, чего не в состоянии понять. Но, штампую гениев, как на конвейере, родители пытаются обмануть возрастные нормы в других сферах – жесткий, бесчеловечный эксперимент. Алиса, её братя и сёстры – не гении, им просто натренировали механическую память, не пытаясь развить какое-то направление вглубь. Но образование – не сумма фактов, вытащенных из учебника, не натаскивание на определённые знания, не дрессировка.

Евгений Тепляков, конечно, получит, что хотел: публичность, славу внимание. А детям.. детям можно только почувствовать. По мнению Евгения, Алиса скономила девять лет жизни. Но стоило ли оно того?

Александра Смирнова